

О ссыльном ученом в Коми край Аскольдове С.А.

Одним из ярких представителей научной интеллигенции начала 30-х годов XX века, не по своей воле пребывавших в Коми крае, был Аскольдов С.А. Аскольдов – литературный псевдоним Сергея Алексеевича Алексеева, сына русского философа-идеалиста Алексея Александровича Козлова (1831–1901). С.А.Аскольдов родился 25 февраля 1871 г. в имении отца Машарово Медынского уезда Калужской губернии. Окончил физико-математический факультет и философское отделение историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета. Перед революцией С.А. стал профессором Петроградского университета: преподавал историю западной философии (до 1922 года). В духовной жизни Петрограда-Ленинграда 1920-х годов важную роль играли религиозно-философские объединения интеллигенции. Во многих из них Аскольдов принимал активное участие. В начале 1928 г. для Аскольдова началась полоса арестов и ссылок. Первый раз он был сослан в Рыбинск (1928–1930), затем, после нового ареста, – в Коми-Зырянскую область. С осени 1933 г. он получил возможность жить в Новгороде. Во время войны Аскольдов оказался на оккупированной территории, а затем попал в предместье Берлина. В мае 1945 г. он был арестован там советскими оккупационными властями, однако вскоре выпущен. Когда власти опомнившись, пришли забирать его во второй раз, – он был уже мертв. (1)

Хочу представить некоторые выдержки из писем к родным во время пребывания Аскольдова С.А. в Коми крае. Несмотря на крутые повороты судьбы он оказался не сломлен духовно. Не было уже возможности ни профессионального общения, ни полулегальных кружков, не могло быть и речи о публикации работ. Творческая энергия Аскольдова настойчиво искала приложения: в Коми-Зырянской ссылке он написал работу по метеорологии. Одна из ключевых тем писем – бездуховность общества, его ориентированность на материальные и животные интересы. Другая существенная тема писем – ностальгия по творчеству, желание быть услышанным, запас достаточного творческого потенциала, которому не суждено реализоваться.

19.07.1930 г. из Коми в Киев сестре Букреевой Е.А.

Дорогая Катя! Так как все мои письма к тебе пропали, то посылаю тебе заказным. Во-первых, еще раз пишу тебе правильный адрес: область Коми-Зырянская, Визингский район, Кунибский сельсовет, деревня Шарьил, дом Д.А.Старцева, мне. На почте часто спрашивают, какое же почтовое отделение. Надо отвечать: Визингское (это 14 километров от нас). Причины моей высылки – исключительно мое литературное имя. В следственном процессе мне не было указано ни одного факта против меня, я даже не знаю ясно, к какому делу меня пристегнули. Кажется, что все же основой послужило мое знакомство с Золотаревым, председателем Рыбинского научного общества. Ну пока надо терпеть эти условия жизни, перед которыми житье в Рыбинске кажется благоприятным. Тут медвежий угол, лишенный всяких культурных условий. Зыряне народ хороший, но живут донельзя примитивно и неумело. Их избы – верх косолапости, еда – неумелого приготовления. Но главное зло, что мы здесь соединены группами по 8–10 человек на избу. Ведь и в условиях ареста, и высылки главное зло это сожители, а не что-либо иное. Они очень тяготят, даже если люди не злые и в общем порядочные. К счастью, я в очень хорошей и мирной восьмерке, все больше больные старички, один уморительный хохол, словно из комедии (хохлов здесь очень много). Но тупость, глупость и полная некультурность. Главный вопрос здесь питание. Оно очень скупое (паек), а купить что-либо очень трудно.

Где мы, ты можешь найти на карте, если проведешь от Усть-Сысольска

(столица Зырян, теперь Сыктывкар) 85 километров почти на юг. Мы на берегу рек Сысола и Визинга. Место красивое, холмистое, тут много деревень. Пока мы в каком-то дурацком положении: поселиться самостоятельно, где хочешь, не дают. Вероятно это временно, а зимой будет как-то иначе. Чтения никакого. Вообще, условия жизни очень уж лишены всяких удобств. Если бы не вера и духовная закалка последних лет, было бы очень тяжело, но я переношу даже легче, чем жизнь в Рыбинске. С удовольствием умер бы, но все, и главное семья, повелевают мне бороться за жизнь и я успешно это делаю. За лето почти поправился до нормы. Зимой будет потруднее, но надеюсь, что я не буду лишен помощи ни от людей, ни сверху. А уж сколько раз я был в критическом положении и помощь всегда поспевала вовремя. Уверен, что только бы перезимовать, а летом верю в свое возвращение. А как перезимую, это пока не видно. Вероятно осенью нас куда-нибудь передвинут, быть может в бараки, здесь строятся очень удобные, в восьми верстах.

Мое настроение еще тем поддерживается, что за зиму я хорошо перебрал свою жизнь и многое понял в ней подлежащего искуплению. Главное не был достаточно любовен к маме (мой главный грех тот, что когда она умирала, я был в гостях). Все это надо искупить и очистить хоть в конце жизни, чтобы предстать хоть немного очищенным испытаниями. Верю, что выше сил крест нести не придется, а когда изнемогу - помогут, как бывало зимой и весной. В июне была большая слабость, я думал от сердца, но, видимо, от десятидневного плавания в барже и от недоедания. Попитался и покупался и силы восстановились. А зиму Бог поможет. Помоги, сколько можешь, и ты, конечно, в меру возможности. Раз настроился жить, надо как-то карабкаться, хотя легче было бы зажмурить глаза и покатиться без борьбы к смерти.

29.08.1930 г. Дорогая Катя! Что написать о себе? Я только первый месяц по приезде был в настроении малых надежд и иногда подумывал бросить борьбу за жизнь и желать смерти (я так сильно ослаб от этапа, особенно десять дней на барже в условиях трудно представимых). Но уже в конце июня, а особенно за июль я сильно окреп и все как-то образовалось к лучшему, пришла помощь посылками и деньгами, и я убедился, что можно дальше не опускать поводья, а бороться за жизнь, быть активным в добывании и готовке пищи, бороться со вшами, чинить одежду и пр. И в этой активности я пребываю и преуспеваю. Все теплое к зиме мною отремонтировано - и шуба и валенки, и, главное, одеяло старое мне так искусно починили, что я просто не ожидал; купил себе овчинную куртку и готов встретить зиму. Все лето купался и от вшей почти избавился (я ими обзавелся на барже в тесноте). Лето было жаркое и сейчас тепло. Пока я питаюсь главным образом хлебом, картошкой, ячменной крупой (засыпаю в суп), имел летом соленую рыбу, сейчас грибы собираю. Молоко летом одно время было, а сейчас его почти нельзя достать; яйца изредка - очень уж дороги: 3,50 десяток. Вообще жить можно. Все же главная беда - полная некультурность условий жизни, из-за этого большая возня с готовкой пищи и пока необходимость жить совместно с чужими и тягостными людьми. Последнее, думаю, к осени изменится и мне удастся переменить квартиру и сожителей.

10.12.1930 г. Из Чухломы в Киев. Дорогая Катя! Ты знаешь, большинство тех, что вокруг меня, ведь люди из Конц. лагеря (нас, просто высланных, не более 10 на 400, да и то нас случайно затесали), и вот, многие говорят, что им в Конц. лагере было лучше, чем у нас, ибо питание несравненно лучше, казенная одежда, врачебная помощь, вообще во всем порядок; правда, они были под стажей, но иногда им давалась большая свобода передвижений. В сущности в этих условиях только и можно жить надеждой и верой, настолько они тяжелы. Тут две тяготы: одиночество, но одиночество не буквальное, а одиночество на людях, и

это второе и есть самое тяжелое. Если бы я жил вроде какого-нибудь подвижника, действительно одного в келье, в пещере, мне было бы легче, а то живешь в человеческой сутолоке чужой и глубоко чуждой жизни народа, хотя и неплохой, но уж очень некультурного. Конечно, я мог бы поселиться не с хозяевами, а с нашим же братом, вчетвером или впятером. Но это иногда еще хуже. Тут хоть я знаю, что народ честный, своих вещей не надо сторожить. Вообще-то, что мы живем среди инородцев, обычаи которых нам чужды, а язык непонятен, очень ухудшает наше положение. В среде же наших высланных не более десяти человек интеллигентных, но мне они лично чужды и по интересам и по всему; так, по обывательски, поговорить можно и я кое с кем из них вижусь. Если отпустят, предстоит нелегкая задача достигнуть железной дороги. До станции Мураши 250 верст по почтовому тракту. Вот тут трудность достать лошадей и потом доехать. Это надо суток 5-6 ехать.

21.12.1931 г. Дорогая Катя! У меня пока никаких перемен нет. Возможно, я так и останусь на этой квартире, ибо пока январь протекает очень тепло. Сегодня хотел идти на почту, но воздержался из-за сильного ветра, а главное, похоже на то, что дождь пойдет - так потеплело, а я пуще всего боюсь испортить валенки, здесь без валенок, как без ног. Мне на этой квартире очень хорошо, хоть и не все мои сожители одинаково симпатичны, но все жн они не грубые, ко мне относятся хорошо. Самый симпатичный - это кабардинец, магометанин, бывший офицер; он всегда протестует, когда я хочу что-нибудь делать по саообслуживанию, и говорит, что у них на родине старики по обычаю просто приказывают молодым сделать то или другое, так чтобы и я ему "приказывал"; он же и наиболее интеллигентный. Вообще надо сознаться, что иноверцы во многом лучше наших единоверцев, а уж священники и монахи (их здесь много) наиболее несимпатичны. Я прежде возмущался, когда их называли попами, но тут я почувствовал, что очень многих язык не поварачивается назвать священником, а именно надо назвать попом, до того они религиозность понимают формально, до того материальны и чужды всяким духовным интересам. Здесь мне еще тем хорошо, что у многих сожителей есть лампа и керосин, и тут я могу вечером до 9-10 посиеть, а там я ложились в 6-7 часов. Можно вечером и пописать и почитать, кое-что из книг иногда удается достать. Если будешь посылать мне метеорологию, то не в бандероли (ибо пропадет), а в посылке и еще кусик по общей химии. Я химию люблю и не хочу ее позабыть; это хорошо еще тем, что читается медленно, а историческую или беллетристику прочтешь в три дня.

22.05.1931 г. Из Сыктывкара в Киев. Дорогая Катя! Можешь ли ты теперь читать и в смысле глаз и психологически? Это все же великое утешение в нашем стариковском положении. Хотя здесь и куца библиотека, но я, благодаря ей, имею большое облегчение в жизни в чтении. Все же нахожу еще и нужные и интересные книги. Для меня большое наслаждение погружаться в живую жизнь прошлого восстановлением перед собою любимых писателей, например, Гоголя, Достоевского, по всяким мемуарам, запискам, воспоминаниям. А потом я дополняю знакомство с некоторыми писателями, которых раньше или недооценивал или просто не было времени ими интересоваться. Так я плохо знал Чехова и был к нему равнодушен. Сейчас я перечитал у него все важнейшее и не могу не признать в нем большого и тонкого художника с умением одной-двумя чертами подать всего человека. Сейчас я много занимаюсь с Герценом, которого я не любил и плохо знал. Он мне и теперь в основном чужд, но все же это та же культура духа, которую захватили и мы и которую теперь не найдешь.

24.07.1931 г. Из Сыктывкара в Киев. Дорогая Катя! Сейчас у меня в центре моя служба. Как я тебе уже кратко сообщал, меня приняли в Геологоразведочную базу в качестве химика-лаборанта, но фактически мне

приходится организовывать лабораторию и быть ответственным лицом, пока предназначенная в заведующие зырянка-химичка еще должна застрять в Ленинграде на полгода. Хотя и я оформлен, и уже получил за полмесяца жалование (моя ставка 150 рублей в месяц), но я не имею никакой уверенности в моей службе.

Лето 1931 г. Из Сыктывкара в Киев (из командировки). Ну, еще мне интересно поскорее в город, ибо там могло возникнуть много новых обстоятельств. Во-первых, я ничего не знаю, была ли ожидавшаяся юбилейная амнистия или нет (здесь газет не достанешь). Далее, не получили ли там помещение под лабораторию, – тогда весь характер и оплата моей службы изменится. Вообще я все же в городе в известном смысле "дома". Не могу не сознаться, что тянет в город и к своим оставленным вещам. У меня в старости появилось то, чего и тени не было в молодости: привязанность к своим вещам, особенно к старым, "заслуженным", или присланным от семьи; свой столовый "семейный" нож, вилка, стакан с подаренным бисерным чехлом и т.п. Все это словно начинает входить в состав тела, к ним привязываешься как к чему-то живому. Быть может это старческие причуды, а может в молодости был грубее и ко всему поверхностно относился, думаю последнее вернее. Пиши мне по-прежнему: Сыктывкар, почтовый ящик N 1.

30.04.1932 г. Из Сыктывкара в Киев. Дорогая Катя! В моей жизни здесь перемен нет. Один заработок, на который я надеялся (в техникуме), сорвался; имеется еще надежда, но через месяц. С наступлением весны стало легче ходить и вообще все легче, кроме продовольствия; сейчас мое питание это хлеб и картошка, еще брюквы достал. Отчасти я здесь гораздо более одинок, ибо кроме хозяйки и сожителя никого не знаю, но знакомства в Чухломе ведь были чисто внешние. Но зато у меня здесь живейшее общение с покойниками; я разумею не некроманию, конечно, а чтение разных писателей (и о них), которое мне пока удается успешно осуществлять. Со многими русскими, а особенно иностранными писателями, я здесь впервые основательно познакомился или во всяком случае дополнил знакомство (Чаадаев, Герцен, Теофиль Готье). С месяц назад я послал тебе мою работу по метеорологии, но это так, на всякий случай, почти невероятно, что ее можно было напечатать. А все же мне интересно, если о ней даст отзыв ваш специалист. Сейчас я работаю в другой области, где я "у себя дома", а именно: пишу три очерка по эстетике. Тут возможно было бы и напечатать, но и это сомнительно, хотя по причинам совсем другим. Вообще этот месяц удавалось так отвлекаться мыслью в прошлое и вообще в царство мысли, что совсем забывалась и действительность. Когда помрем, то главным образом окунемся в прошлое (и с Гоголем увидимся). Но пока попытаемся еще пожить. Для этого главное не надо унывать и быть бодрим, чего и тебе желаю.

Источники:

1. МИНУВШЕЕ. (Исторический альманах). N 9. Стр. 352–355. Москва. 1992.
2. МИНУВШЕЕ. (Исторический альманах). N 11. Стр. 292–360. Москва. 1992.

Подготовила А.Г. Малыгина.